

A movie poster for 'The Betrayal of the Fairy King'. The background is a lush, snowy forest with a large, ornate castle in the distance. In the foreground, a family of four is shown: a man with pointed ears (an elf) in a dark, fur-lined cloak, a woman in a green dress and cloak, and two children. The woman is holding the hand of a young girl who is holding a small fox. The man is standing behind them, looking off to the side. The scene is lit with warm, golden light, suggesting a sunset or sunrise.

СОНА СКОФИЛД

ИЗМЕНА КОРОЛЯ ФЕЙРИ.

Мои дети
больше не его
наследники

Сона Скофилд

Измена короля фейри. Мои дети больше не его наследники

<https://litres.ru/74491607>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мои дети оказались слишком смертными для престола. Их отец вспомнил об этом, когда решил жениться на своей любовнице.

Он назвал наш брак временным и приказал выслать нас из королевства. Но в день свадьбы король поклялся дать нашим детям дом. Его приказ нарушил клятву — и лесные дороги закрылись.

Теперь Севран хочет вернуть нас под свой надзор. А я ищу убежище у Риана, владыки изгнанного зимнего рода. Когда-то королевское обещание стоило ему семьи. Мне страшно довериться мужчине, у которого столько причин ненавидеть моего мужа.

Риан помогает нам выжить. Мое свидетельство может вернуть его людям земли. Все понятно, пока я думаю о нас как о союзниках. Но дети засыпают, он остается рядом — и мне уже мало одной только безопасности.

Содержание

ПРОЛОГ. Временная супруга	4
ГЛАВА 1. Дорога привела нас обратно	15
ГЛАВА 2. До первого огня	42
ГЛАВА 3. Чужой стол	68
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Сона Скофилд

Измена короля фейри.

Мои дети больше не его наследники

ПРОЛОГ. Временная супруга

Авериль надела ожерелье, в котором я встречала послов.

Золотые листья лежали на открытой шее, между ними темнели три зеленых камня. Средняя подвеска перевернулась. Я знала, как ее поправить: нужно было приподнять ожерелье и дать ей свободно опуститься. Севран сам показывал мне это перед первым приемом, смеялся над моей неловкостью, потом долго не убирал рук.

Теперь Авериль стояла возле его кресла.

Мира потянула меня за палец.

— Мама, мы будем здесь до обеда? Тесса сказала, что сегодня пирог с грушами.

— Скоро пойдем, — ответила я и поправила ей воротник, хотя он и без того лежал ровно.

Мы стояли посреди зала. Для детей возле меня всегда ставили скамью с высокой спинкой, но сегодня ее не было.

Нильс держал руки за спиной и смотрел на отца с таким старанием, что мне захотелось немедленно увести его отсюда. Утром он попросил застегнуть ему серебряную цепь поверх камзола. Севран говорил, что наследник должен являться на собрание одетым подобающим образом.

Я застегнула.

Даже зная об Авериль, застегнула ему эту проклятую цепь, расправила ткань на плечах и велела не сутулиться.

В раскрытые окна доносился шум сада. У дальней стены стояли главы старших домов и придворные. Я заметила Остару с посохом хранительницы переходов. Она смотрела на Севрана. Рядом с ней писец приготовил перо над раскрытой книгой.

Я надеялась, что муж объявит только о нас с ним.

Два дня я пыталась представить, как буду жить в другом крыле дворца. Что скажу детям. Как перестану ждать его шагов по вечерам. Думала даже о том, куда велеть убрать его плащ из моей комнаты.

Севран поднялся. Ветки на его узком венце были отлиты из белого золота.

Он посмотрел на меня, и я невольно подалась вперед.

— Перед собранием домов я объявляю: с этого дня мой брак с Лиорой Дейн прекращен.

Писец заскрипел пером.

Я знала: каждый из супругов мог прекратить брак при свидетелях. Но не верила, что он сделает это вот так, пока наша

дочь держит меня за руку.

— Человеческая супруга была принята в мой дом на время, — продолжил он. — Короне необходима супруга из старших домов. Будущей королевой Эльвейна станет Авериль из дома Сарден.

Мира перестала вертеть мой палец.

Я смотрела на его рот. Два дня назад он целовал Авериль у окна своих покоев. Я вошла без доклада, как входила двенадцать лет, с детским рисунком, который Нильс просил показать отцу.

Севран тогда не сразу отпустил ее.

— Скажи мне, сколько это продолжается, — попросила я, когда она ушла.

Он отложил рисунок на подоконник.

— Полгода. Лиора, я не хочу обсуждать это сейчас. Через два дня будет собрание, до него ты должна молчать.

Я помнила, как взяла обратно лист. На нем были нарисованы птицы над дворцовой крышей. Севран даже не развернул его как следует.

Он смотрел на меня, положив ладонь на спинку кресла.

— Ты сказал, что принял меня в свой дом на время, — произнесла я. — Назови срок, о котором мы договаривались.

Несколько человек у стены повернулись ко мне.

На указательном пальце Севрана блеснула печатка. Нашего брачного кольца я не увидела.

— Не заставляй меня объяснять очевидное перед детьми.

Дочь прижалась к моей ноге. Я чувствовала сквозь юбку ее теплое плечо и понимала, что сейчас могу сказать ему такое, чего она никогда не забудет. Набрала воздуха, но он уже кивнул служителю, стоявшему возле писца.

Тот развернул лист.

— Решением короны Нильс Валлис и Мира Валлис исключаются из очереди наследования престола Эльвейна. Их человеческая природа и слабость родового дара не позволяют им наследовать власть фейри. Отныне они лишаются права оставаться при дворе.

Я протянула к Нильсу свободную руку, но сын не заметил. Он смотрел на отца, поджав губы. Таким он стоял в шесть лет, когда разбил подаренную чашку и спросил меня, пустит ли Севран его к себе снова.

Тогда отец посадил его на колени и велел принести другую.

— Они остаются здесь, — сказала я. — Севран, ты можешь прекратить наш брак. Но у детей здесь дом.

— Их место рядом с матерью. Тебе будет предоставлена повозка и сопровождение.

— Им десять и семь лет. Нильс еще вчера выбирал с тобой книгу. Объясни ему сам, почему сегодня он должен уехать.

Севран посмотрел на сына.

Я ухватила за этот взгляд. Сейчас он хотя бы позовет мальчика к себе. Положит руку на плечо. Скажет, что разговор не окончен, что кто-то неправильно составил приказ.

— Со временем ты поймешь, — произнес он. — Королевство нельзя передать тому, кто не способен нести его силу. Достоинство прими это решение.

Нильс кивнул.

Мне стало дурно от того, как быстро он кивнул.

Мира высвободила руку из моей ладони и сделала маленький шаг вперед.

— Папа, а ты у нас тоже был временный?

Служитель опустил лист. Мира ждала, запрокинув голову. Севран отвел взгляд к Авериль, потом велел писцу внести решение в книгу.

— Она тебя спрашивает, — сказала я. — Посмотри на нее.

— Лиора, отведи детей в комнаты. О вас позаботятся.

Он произнес это тем самым тоном, которым прежде просил не будить его после долгой дороги.

Я нагнулась к дочери.

— Пойдем, Мира.

— Но я же спросила.

— Я слышала.

Она еще секунду смотрела на отца. Потом позволила взять себя за руку.

Нильс пошел рядом со мной. Серебряная цепь тихо звякала о пуговицы его камзола. У дверей я заметила, что он прячет кисти в рукава, хотя в зале было тепло.

Никто не остановил нас.

В коридоре сын вдруг спросил:

— Мне нужно оставить цепь?

Я не сразу поняла, о чем он.

— Ту, которую папа велел надеть. Теперь ее нельзя?

Он взялся за застежку, потянул не с той стороны. Я отвела его руку, сама разомкнула крючок. На шее осталась красная полоска от тугого воротника.

— Я уберу ее. Постой немного, дай расстегнуть пуговицу.

Мальчик подчинился. Мне хотелось, чтобы он закричал, потребовал отца. Тогда можно было бы обнять его, удержать, подождать вместе. Сейчас он даже не смотрел на меня.

До детских комнат мы дошли молча.

Тесса ждала в гостиной возле стола. Там стояли три тарелки с грушевым пирогом. От этого я едва не разрыдалась прямо в дверях. Утром Мира просила оставить ей кусочек с корочкой, Нильс хотел тот, где побольше начинки. Теперь оба куска лежали на отдельных тарелках, рядом с моей.

— Тесса, закрой дверь, пожалуйста.

Она посмотрела на мое лицо, потом на серебряную цепь в руке. Кивнула и закрыла дверь.

Мира забралась на стул. Подтянула к себе тарелку, но есть не стала.

— Нам теперь придется уехать, — сказала я. — Я пока не знаю, где мы будем жить. Вы поедете со мной. Оба.

Нильс остался у двери.

— А если я поговорю с папой один? Я могу сказать, что буду больше заниматься. Ему не придется со мной сидеть.

Я положила цепь на край стола, чтобы не сжимать ее в кулаке.

— Тебе не нужно обещать ему это. Ты ничего не испортил.

— Он сказал, я не могу нести силу.

— Я слышала, что он сказал.

— Значит, если бы мог, меня бы оставили?

Мне пришлось сесть. Ноги подгибались, и я боялась, что он заметит раньше, чем я успею опуститься на стул.

— Отец выбрал другую королеву и велит нам уехать. Я попробую еще раз с ним поговорить. Но ты не должен становиться другим, чтобы тебе позволили жить дома.

Он смотрел на меня недоверчиво. Я не смогла придумать слов, после которых ему стало бы легче.

— Сейчас побудь с нами, — попросила я. — Если не хочешь есть, не надо.

Он сел на скамью у окна. Мира взяла со своего пирога кусочек груши и протянула ему. Сын покачал головой. Она положила грушу возле его колена и полезла за деревянной лисицей, которую утром оставила между подушками.

Тесса подошла ко мне.

— Я поеду с вами.

Я подняла на нее глаза. Восемь лет она заботилась о моих детях, и я привыкла знать, что смогу дать ей взамен.

— Я не знаю, чем смогу платить, — сказала я. — Личных денег у меня немного. В кладовую с ценностями меня

со вчерашнего дня не пускают.

— Тогда посчитаем, что у нас есть. О жалование поговорим, когда устроимся. Сейчас я останусь.

— Спасибо.

Она коротко сжала мое плечо. Я накрыла ее пальцы ладонью и смогла сделать полный вдох.

В дверь постучали.

Пришел служитель из королевских покоев. Позади него я увидела двух горничных с корзинами для белья.

— Госпоже Дейн и детям приготовят комнаты в гостевом крыле, — сообщил он. — Нынешние покои необходимо освободить до вечерней трапезы. Утром будет подана повозка.

За его спиной одна из горничных спросила другую вполголоса, куда отнести покрывала госпожи Сарден. Та сразу тронула ее за локоть.

Я посмотрела на корзины. Между сложенными простынями лежала светлая ткань с вышитой ветвью. Все уже принесли. Даже не ждали, пока дети выйдут из зала.

— Оставьте распоряжение, — сказала я.

Служитель замялся.

— Мне поручено передать время отъезда. Капитан сопровождения получит необходимые бумаги.

— Мне нужны условия, по которым я должна везти детей. Принесите письменное распоряжение.

Он взглянул через мое плечо в комнату. Я шагнула в ко-

ридор и прикрыла дверь, оставив Тессу с детьми.

— И велите пока убрать корзины, — добавила я. — Мы сами вынесем свои вещи.

Служитель поклонился. Привычно, неглубоко. Потом ушел, горничные потянулись за ним.

Я постояла у двери, прижимая ладони к юбке. Хотелось снять это платье и лечь лицом в подушку, чтобы никто не видел меня хотя бы час.

Из комнаты донесся голос Миры. Она спрашивала Тессу, можно ли взять лисицу в повозку.

Я вернулась к ним.

Кольцо не сходило с пальца. Я повернула его, потянула сильнее и остановилась от боли. Тесса молча пододвинула чашку с водой. Намочив руку, я наконец стянула кольцо через сустав.

На коже остался бледный след.

Я любила его. Выбрала его, приехала сюда и столько лет считала, что мы с детьми принадлежим этому дому.

Мира подошла ко мне, прижимая к груди игрушку.

— Мама, ты плачешь?

Я вытерла щеку запястьем.

— Да. Мне очень грустно.

— Из-за папы?

Я кивнула. Она прислонилась ко мне, и я обняла ее одной рукой. Кольцо пришлось зажать в другой руке, чтобы не уронить.

Потом я убрала его в дорожный кошель.

Распоряжение принесли, когда Тесса разрежала оставшийся пирог на небольшие кусочки и завернула в чистую салфетку. Служитель положил на стол копию с королевской печатью. Я сразу развернула ее.

Утром нам предстояло выехать к пограничному стану. Лиоре Дейн надлежало сопровождать Нильса и Миру Валлис и заботиться о них в пути. Капитану было приказано доставить нас через лесной переход за пределы Эльвейна. Остаться в королевстве нам не разрешалось.

Я перечитала последнюю строку.

Детей лишили не только комнат. Севран приказывал вывезти их из страны, в которой они родились.

— Что там? — тихо спросила Тесса.

Я подняла руку, прося подождать.

Перед глазами стояла его ладонь на коре Клятвенного дуба. Двенадцать лет назад, в то холодное утро, я спросила, что будет, если наши дети родятся такими же, как я. Севран подвел меня к дереву и попросил свидетелей подойти ближе. Я помнила, как люди вокруг перестали переговариваться.

Под его пальцами проступил светлый след. Я смотрела на него и слушала слова, после которых перестала бояться за будущих детей.

«Каждому ребенку, рожденному тобой от меня, я дам дом в моем королевстве. Ни моей волей, ни моим приказом их не изгонят за его пределы».

Я помнила их точно.

Дуб принял его клятву. После этого я сказала, что согласна стать его женой.

Больше женой я не была. Но Нильс и Мира оставались теми самыми детьми, которым Севран обещал дом.

Я не знала, что случится, если их попытаются вывезти. Мне никогда не приходилось видеть, как король нарушает принятое дубом обещание. В приказе было назначено утро; у меня еще оставалось время напомнить ему о сказанном.

— Тесса, попроси служителя вернуться, — сказала я, придвигая к себе бумагу. — Мне нужно передать Севрану несколько слов до нашего отъезда.

ГЛАВА 1. Дорога привела нас обратно

Чернила на кончике пера засохли. Я обмакнула его снова и испортила первую строку: вместо имени Севрана поставила темную кляксу.

Прежде я отправляла ему записки с мальчиком из нижней галереи. Просила зайти к детям перед ужином, напоминала о дне рождения Миры. Иногда писала всего несколько слов, которые не хотелось произносить при слугах. Он приходил, и записка еще торчала у него из кармана.

Теперь я взяла другой лист.

«Ты поклялся под Клятвенным дубом дать нашим детям дом в своем королевстве и не изгонять их. В распоряжении, которое мне принесли, велено вывезти Нильса и Миру за границу. Я прошу остановить отъезд и выслушать меня сегодня. О нашем браке я говорить не стану».

Последнюю фразу я дописала не сразу. Пришлось признать, что и без нее Севран мог не захотеть меня видеть.

Я сложила лист, запечатала и отдала вернувшемуся слуге.

— Передайте королю в руки. Скажите, что я жду ответа до отъезда.

Он принял письмо и посмотрел на открытый шкаф за мо-

ей спиной.

— Для вещей пришлют людей, госпожа Дейн.

— Сначала передайте письмо.

Когда дверь закрылась, Нильс поднял голову. Он сидел на полу возле своей постели, поставив между колен коробку из тонкого дерева. Крышка не сходилась: под нее попало длинное перо с темной полосой.

— Папа придет?

— Я попросила его принять меня.

— А если он захочет, чтобы я тоже пришел?

Мне хотелось ответить сразу, уверенно. Но я уже слишком много раз за этот день надеялась на то, чего Севран не сделал.

— Тогда служитель скажет нам об этом.

Сын выправил перо и закрыл коробку. В ней лежали три его находки: полосатое перо сойки, серое утиное и маленькое белое, которое он все собирался показать королевскому ловчему. Я помнила, сколько времени он потратил, выстилая дно ватой, чтобы они не ломались.

— Возьми с собой, — сказала я.

— Оно не нужно для дороги.

— Для дороги у нас будут другие вещи. Коробка легкая.

Он сунул ее в полотняную сумку и отвернулся к шкафу.

Я оставила его выбирать рубашки. Тесса уже раскладывала на кровати чулки, теплые кофты и сменное белье. Мира носила ей по одной вещи, иногда спрашивая, надолго ли мы

уезжаем. Каждый раз я отвечала, что пока не знаю. После третьего раза она перестала спрашивать и принесла зимние рукавицы.

— Их тоже, — сказала Тесса и положила рядом с кофтами.

Мое дорожное платье висело в дальней части шкафа. Серое, шерстяное, с широким подолом, который можно было подобрать для ходьбы. Я переоделась за ширмой, стараясь не слушать, как за стеной передвигают мебель. В спальне, соседней с нашей, готовили место для вещей Авериль.

Волосы никак не удавалось собрать. Пальцы то слишком сильно тянули прядь, то выпускали ее, и я сердито выдернула гребень. На нем осталось несколько волосков.

— Дайте мне, — сказала Тесса.

Я села. Она заплела мне косу и закрепила ее так, как делала перед долгой дорогой. От привычного прикосновения к затылку я зажмурилась. Несколько мгновений можно было сидеть неподвижно и позволить другому человеку позаботиться обо мне.

— Там хоть кто-нибудь вас ждет? — спросила она тихо.

— В Ольховом Берегу остались знакомые отца. Я давно не писала.

Матери не было уже пять лет. Дом после ее смерти продали, часть денег ушла на долги и похороны. Тогда Севран сказал, что мне незачем держаться за пустые комнаты. Я согласилась: здесь у меня была семья, а приезжать на могилу

можно было и без собственного дома.

Тесса не стала расспрашивать дальше.

На дне шкатулки нашлись одиннадцать серебряных монет и семнадцать медных. Я пересчитала их дважды и высыпала в кошель, где лежало обручальное кольцо. Серебро задело его с негромким звоном. Из личных украшений при мне оставались только простые серьги; все остальное хранилось за дверью, которую мне больше не открывали.

Я еще раз послала за ключом. Вернувшаяся горничная передала, что хранитель ждет особого распоряжения короля.

— Пусть составит перечень моего имущества. Включая подарки от родителей.

— Я передам, госпожа.

Она стояла, стиснув передник, и я отпустила ее. Ключа у нее не было.

Из нижнего ящика я достала небольшой кожаный сверток с переплетными принадлежностями. Иглы, катушка крепкой нити, шило, складной нож для кожи. Отцовское шило лежало в отдельном чехле. Когда-то я привезла его сюда вместе с несколькими книгами, уверенная, что буду работать хотя бы понемногу.

Сверток поместился между двумя рубашками. Книги пришлось оставить почти все. Я взяла одну, небольшую, с моими записями о расходах, и сунула под обложку рисунок Нильса, который два дня назад так и не показала его отцу.

Серебряную цепь сына я нашла там, где положила, на

краю стола. Свернула кольцами на пустой тарелке. Такие цепи выдавали детям королевского дома для торжественных выходов, и теперь я не знала, станут ли искать ее среди наших вещей.

Когда пришел человек принимать покои, я показала ему цепь.

— Запишите, что она осталась здесь. При мне.

Он внес строку в свой лист и подвинул его, чтобы я прочитала. Нильс смотрел из дверей спальни. Я дождалась, пока служитель уберет цепь в мешочек, и пошла к сыну, но он уже занялся застежками дорожного плаща.

Ответ Севрана принесли перед вечерней трапезой.

Я узнала его узкое письмо еще до того, как развернула лист. От этой мелочи сердце на мгновение забилось быстрее. Стыдно было за собственное ожидание: он мог написать что угодно, а я уже надеялась.

«Решение принято при свидетелях и изменено не будет. Дети следуют за человеческой матерью к ее народу. Их содержание в пути обеспечено. Сегодня принять тебя не смогу».

О клятве не было ни слова.

Я перечитала ответ, сложила его вместе с распоряжением о высылке. Между бумагами положила кусок плотного полотна, чтобы печать не выкрошилась в сумке.

— Он не хочет разговаривать? — спросил Нильс.

Я подняла на него глаза.

— Сегодня он меня не примет. Отъезд оставил на утро.

— Ты написала про меня?

— Про тебя и Миру. И про обещание, которое он дал, когда мы поженились.

Сын посмотрел на убранный стол.

— Надо было мне самому написать.

Я не стала уверять его, что знаю, как отец ответил бы на детское письмо. Подошла, присела рядом и поправила сбившийся воротник.

— Если захочешь, напишешь. Бумагу я взяла.

Он отстранился, и я убрала руки.

В гостевое крыло мы перешли, когда в зале уже звали к столу. Нильс нес свою сумку. Мира шла за ним с лисицей под мышкой, а у самой двери вдруг побежала обратно.

— Мира!

Я догнала ее в спальне. Она стояла возле стены, где карандашом были отмечены ее рост и рост Нильса. Последняя черточка появилась в начале лета. Рядом Севран написал число, придерживая дочь ладонью за макушку, пока она норовила встать на носки.

— Это закрасят? — спросила она.

— Не знаю.

Я вынула из сумки книгу для записей, нашла чистое место на последней странице и переписала числа. Мира следила за карандашом.

— А как же черточки?

Приложить книгу к стене и унести ее рост я не могла. Мы обе стояли перед этим простым, неразрешимым делом, пока из коридора не позвала Тесса.

— Я помню, какой ты была, когда мы поставили первую, — сказала я и протянула дочери руку. — Совсем маленькой. Мне приходилось держать тебя под мышки.

Мира провела пальцем по нижней отметке. Потом пошла со мной.

В гостевой комнате было две узкие кровати и низкая кушетка. Дети легли вместе, Тесса устроилась на кушетке. Я сидела на своей кровати, не раздеваясь, пока в коридоре не стихли шаги.

Из принесенного ужина осталась почти целая миска каши. Грушевый пирог мы съели во время сборов: Мира доела свой кусочек у меня на коленях, Нильс проглотил несколько ложек начинки, а корочку завернул снова. Позднее Тесса отдала ее ему с чашкой молока. Теперь она собрала на завтра хлеб и сыр, попросила наполнить две дорожные фляги. Я проверила чистое полотно, мыло и маленькую баночку мази для натертой кожи, которую мы обычно брали с собой.

Надо было лечь. Утром меня не оставят спать дольше только потому, что я всю ночь смотрела на дверь.

Я сняла платье, повесила его на спинку стула и легла под холодное одеяло. За последние двое суток я почти не спала. Стоило закрыть глаза, как вспоминалась рука Севрана на талии Авериль. Потом — лицо сына в зале. Я снова открывала

глаза и слушала дыхание детей.

Однажды Мира всхлипнула во сне. Я успела только сесть, а Тесса уже была возле нее.

— Спи, я здесь, — прошептала она.

Дочь затихла. Мне больше никто ничего не сказал, и я лежала, прижимая к губам край одеяла, пока наконец не уснула.

Утром за окнами висел негустой туман. Под навесом у гостевого крыла ждала крытая повозка, рядом переминались верховые лошади. Капитан сопровождения подошел ко мне, сняв перчатку.

— Беран, госпожа Дейн. Нам поручено доставить вас до человеческого стана по ту сторону перехода. Если дети готовы, можно садиться.

Это был человек лет пятидесяти, с обветренным лицом и седыми волосами у висков. Я видела его прежде у дворцовых ворот, но разговаривать нам не приходилось.

Тесса посадила Миру в повозку. Нильс поставил сумку под скамью и остался возле сестры. Я достала бумаги.

— Прежде прочтите это при мне.

Беран посмотрел на королевскую печать.

— У меня есть распоряжение.

— Тогда вы знаете, что детей приказано вывезти из Эльвейна. Вслух, капитан. Строку о границе и ту, которая следует за ней.

Его лицо стало жестче. Тем не менее он принял лист

и прочел обе строки. Слово «запрещается» прозвучало негромко и отчетливо.

— При заключении нашего брака Севран дал обещание под Клятвенным дубом, — сказала я. — Я помню каждое слово: «Каждому ребенку, рожденному тобой от меня, я дам дом в своем королевстве. Ни моей волей, ни моим приказом их не изгонят за его пределы».

Капитан поднял глаза от бумаги.

— Вы были при дворе тогда? — спросила я.

— Нес службу у городских ворот.

— Об этом обещании знали. Я вчера напомнила о нем королю. Вот его ответ. Отмены клятвы здесь нет.

Беран прочел второй лист, дольше задержался на подписи и вернул мне оба.

— Ночного приказа об отмене не поступало. Я проверил перед тем, как подать повозку.

— Вы понимаете, что везете их по приказу, который противоречит клятве?

Он посмотрел туда, где в тумане виднелась караульная башня.

— Я не могу решать, как толковать обещание короля. У меня распоряжение за его подписью и двое детей, которых велено передать на той стороне невредимыми. За это я отвечаю.

— А если я откажусь ехать?

Он помолчал.

— Мне придется исполнить распоряжение, госпожа.
Мира высунулась из повозки.

— Мама, садись к нам.

Я убрала бумаги под застежку сумки и поднялась на ступеньку. Тесса подвинулась, освобождая мне место напротив детей.

Беран подал знак. Повозка качнулась, и Мира тут же схватила меня за колено. Я накрыла ее ладонь своей.

Никто не вышел проститься с нами. Пока мы ехали вдоль гостевого крыла, я все-таки посмотрела на верхнюю галерею. За светлыми окнами никого не было. Тогда я опустила полог, чтобы холодный воздух не дул дочери в шею.

За городом туман рассеялся. По обочинам лежала мокрая листва, на низких ветвях лещины держались орехи. Возница правил ровно, берег колеса на выбоинах; лошади сопровождения то уходили вперед, то снова появлялись рядом.

Нас сопровождали шестеро, считая Берана. Двое держались позади, и каждый раз, когда я приподнимала задний полог, видела их почти на одном расстоянии от повозки.

Нильс долго молчал, прижав сумку ногами. Потом спросил:

— Там тоже говорят по-нашему?

— На стане говорят. Дальше чаще по-человечески. Ты понимаешь почти все, только стесняешься отвечать.

— Я не стесняюсь. Я забываю слова.

— Я тоже забывала язык фейри, когда приехала сюда.

Иногда посреди фразы.

Он потер большим пальцем шов на рукаве.

— Надо мной будут смеяться?

— Кто-нибудь может. Я не стану говорить, что все люди вежливые. Но мы найдем тех, с кем тебе будет хорошо.

Сын отвернулся. Я понимала, как мало стоило мое «найдем», когда я даже не могла назвать место, где мы будем спать через два дня.

Мира уснула, прислонившись к Тессе. Лисица выскользнула у нее из рук. Нильс поймал игрушку прежде, чем та ударилась об пол, и положил сестре в складку плаща.

К стану мы подъехали после полудня.

Над открытыми воротами висела вывеска с белым оленем. У него был отломан кончик левого рога, и снизу, под облупившейся краской, виднелось темное дерево. Возле колоды для водопоя стояло ведро, перехваченное красной проволокой. Из кухни пахло луком и горячим хлебом.

При этом запахе я наконец почувствовала голод. Утренний сыр мы поделили в повозке; свою половину я отдала Мире, когда она проснулась и попросила еще.

Беран заговорил со зрителем. Тот поднял глаза к нашему окну, быстро отвел их и повел капитана к лавке под навесом.

— Можно выйти? — спросила я, когда Беран вернулся.

Он помог откинуть подножку.

— На полчаса. Напоят лошадей, поедем дальше.

Я вывела детей во двор. Мира сразу попросилась за дом. Смотрительница показала нам проход сбоку от кухни: нужник стоял за дровяным сараем, в пределах дворовой ограды. Тесса пошла с дочерью, я осталась с Нильсом возле колоды.

У боковой калитки девочка поставила на землю корзину мокрых тряпок и приподняла створку: нижний край цеплялся за землю. Вошла, перенесла корзину на скамью, выбила камешек из башмака. Следом мальчишка в слишком большой куртке втащил мешок и направился в кухню.

— Остальные из погреба после обеда заберешь! — крикнула ему смотрительница.

Он махнул рукой, не оборачиваясь. За калиткой тянулась утоптанная дорожка. Между стволами виднелась низкая крыша, присыпанная землей, а дальше дорожка терялась в лесу.

Нильс ковырял ногтем темный сучок в борту колоды.

— Ловчий говорил, белых оленей почти не бывает, — сказал он, глядя на вывеску. — Это просто краска.

— Да.

— А на той стороне будет другая?

— Там две сосны над воротами. Они настоящие. Одна наклонилась над крышей.

Он ничего не ответил, но посмотрел за ограду, туда, где начинался переход.

Я бывала на этой дороге прежде. От стана шла широкая просека, затем деревья сближались, и путники проезжали

между двумя камнями с одинаковым вырезанным знаком. Дальше два часа лесного пути выводили к человеческой границе. По обычной дороге пришлось бы ехать много дней, огибая горные склоны.

Для Нильса и Миры это был первый путь к людям.

Смотрительница принесла нам хлеб и четыре миски похлебки. Мы поели за столом у кухонной стены. Нильс выловил лук и отодвинул на край миски, как делал дома. Я едва удержалась от привычного замечания.

Беран подошел, когда мы допивали воду.

— Пора, госпожа Дейн.

Я поднялась.

— Капитан, я не согласилась на изгнание. Вы должны это помнить.

Его взгляд задержался на детях.

— Садитесь в повозку. Скоро начнет холодать.

На дворе несколько человек перестали разговаривать. Я собрала детские плащи и пошла к подножке. Сын взобрался следом за Мирой, Тесса подала ему сумку, которую брала с собой за стол.

Первые минуты все было как обычно. Колеса шуршали по песку, потом загрохотали по корням. Слева и справа показались серые камни со знаками; я увидела один через щель в пологе и успела заметить мох у основания. Повозка чуть накренилась на повороте.

Мне хотелось, чтобы Беран остановился. Не зная, чего

ждать от нарушенной клятвы, я прислушивалась к каждому звуку и чувствовала себя глупо от этой беспомощной насто-
роженности. Если колесо попадало в яму, я тянулась к Мире.
Когда лошадь всхрапнула, подалась к окну.

— Мама, ты меня придавила, — пожаловалась дочь.

Я отодвинулась и поправила ее плащ.

Нильс считал изгибы дороги. Он показывал их на паль-
цах, ничего не говоря, а после третьего перестал. Лес поре-
дел впереди. Стало светлее.

— Уже сосны? — спросил он.

Я подняла полог.

Сначала увидела ведро с красной проволокой.

Оно стояло возле колоды под тем же углом, ручкой к до-
роге. Над воротами висел олень с обломанным рогом. Смот-
рительница вытряхивала из миски луковые ломтики. Услы-
шав колеса, она повернулась и застыла с миской в руке.

Мы остановились.

За повозкой кто-то коротко выругался. Один из всадни-
ков подал коня в сторону, будто искал за нашими колесами
вторую дорогу.

— Почему мы вернулись? — спросила Тесса.

Я не ответила. Смотритель уже выбежал из-под навеса и
говорил с Бераном. Капитан перебил его, махнул в сторону
просеки.

— Развилка не было. Сам ехал первым.

— Так я и вижу, откуда вы выехали.

— Кто проходил до нас?

— Подводы с полотном. На рассвете. Обратно не появлялись.

Мира перелезла ко мне на колени.

— Мы больше не уезжаем?

— Подожди, милая. Я еще не знаю.

Беран подошел к повозке и долго смотрел на меня. Я держала дочь обеими руками.

— Вы были со мной на одной дороге, — сказала я.

Он отвернулся к зрителю.

— Садись рядом с возницей. Покажешь.

— Чего там показывать? Камни стоят, просека одна.

— Тогда проедешь вместе с нами.

Смотритель вытер ладони о штаны и полез на козлы.

Во второй раз я не опускала полога. За камнями просека плавно уходила вправо, обходя заросшую впадину. Беран ехал впереди; мы видели его спину и светлый хвост лошади. Я следила за ними, пока не заслезились глаза. Никто не сворачивал, не разворачивал повозку, не уводил нас вбок.

За очередным поворотом показался кухонный дым.

Нильс резко оттолкнул полог и встал, держась за край крыши.

— Не те сосны, — сказал он.

Он уже видел вывеску.

Беран остановил коня посреди двора. Смотритель слез с козел, промахнулся ногой мимо ступеньки и спрыгнул на

землю. Теперь он даже не пытался ничего объяснить.

Я смотрела на кухонную дверь. С нашей первой попытки не прошло часа. Хлеб еще лежал на столе, где мы ели, а девочка с корзиной собирала миски.

— Папа велел нас вернуть? — спросила Мира.

Я почувствовала, как Тесса рядом глубоко вздохнула.

— Нет, — сказала я. — От него никто не приезжал. Это дорога не выпускает нас на другую сторону.

— Потому что мы плохо проехали?

— Мы ехали правильно.

Мира стала теревить хвост лисицы. Я прижала щеку к ее волосам и закрыла глаза. На короткое мгновение мне стало легче оттого, что дети все еще оставались в Эльвейне. Потом я увидела Берана, который отдавал приказ одному из всадников, и облегчение прошло.

Ни дома, ни человека, готового пустить нас в этот дом, дорога нам не дала.

Возле въезда спорил с караульным торговец. Его низкая подвода была доверху нагружена кожами; поверх тюков сидел худой подросток. Торговец требовал пропустить его немедленно, пока на той стороне не закрыли склад.

Беран велел ему подождать. Тот поднял проездную грамоту, встряхнул ею перед капитаном.

— Пошлину взяли? Взяли. Полотняных утром пропустили, а мне ночуй тут за свой счет? Да я каждый месяц езжу!

Капитан посмотрел на смотрителя, потом отступил.

— Поезжай.

Я проводила подводу взглядом. Тюки были стянуты ремнями, один свободный конец волочился по заднему колесу. Торговец еще сердито говорил что-то сыну или подмастерью, уже скрываясь за оградой.

Мы с детьми вышли размять ноги. Беран не уходил от ворот. Я ждала рядом с повозкой, обхватив себя руками; под шерстью платья холодела спина.

Подвода вернулась, когда смотрительница вынесла во двор ведро помоев.

Ремень по-прежнему бил по колесу. Торговец стоял на облучке, вцепившись в вожжи. Подросток сидел между тюками и молча смотрел вперед.

— Что у вас тут творится? — спросил торговец. На этот раз он не кричал.

Беран снял перчатку, провел ладонью по рту.

— Закройте проезд к камням, — сказал он смотрителю.
— Пока никто больше не поедет.

— Мне-то что людям говорить?

— Что переход возвращает назад. Ты видел сам.

Капитан велел седлать свежую лошадь. Приказ писал за тем самым столом, где дети оставили лук. Я видела, как он прижал к бумаге свою печать, дождался, пока остынет воск, и отдал лист всаднику.

— Королю лично. Обычной дорогой, без остановок на станях. Скажешь, проходили дважды. Потом вернулся торговец.

Посланец спрятал письмо под куртку и уехал в сторону столицы.

Беран повернулся ко мне.

— Вам приготовят комнату наверху. Понадобится что-нибудь для детей — скажите смотрительнице.

— Что вы написали королю?

— Что приказ исполнить не удалось.

— Вы вспомнили его обещание?

На лбу у капитана собрались глубокие складки.

— Я доложил о дороге. Остальное будут решать при дворе.

— А до ответа я могу уехать отсюда? Нанять другую повозку, выбрать обычный путь?

— Нет.

Он ответил так быстро, что мне стало незачем спрашивать, считает ли он нас свободными.

— По королевскому приказу дети находятся при мне, — сказала я. — Вы читали его утром.

— Они и останутся при вас. Пока я не получу новых указаний, все четверо будете здесь. Я обязан знать, где вы находитесь.

Он подозвал солдата, стоявшего у лошадей, и велел проводить нас в дом.

Комната оказалась над кухней. От пола тянуло теплом, у окна стояли две кровати, на одной из которых Мира сразу свернулась, не снимая башмаков. Тесса стянула их с нее, на-

крыла нашим дорожным одеялом.

Я подошла к окну. Внизу виднелись двор, поленница и крыша нужника. Девочка с корзиной снова прошла к боковой калитке. Мальчишка встретил ее у погреба, подхватил корзину за другую ручку. Они понесли ее дальше по тропе.

Я проследила за ними, пока оба не скрылись среди деревьев.

— Куда она ведет? — спросила я смотрительницу, когда та принесла простыни.

— К старой мельнице. Люди там живут, на стан работать ходят. Корзину видите? Это прачке. Нам во дворе сушить негде, все в саже.

— От мельницы можно попасть на человеческую дорогу?

Женщина удивленно посмотрела на меня.

— Через горы, что ли? Можно-то можно, только это три недели с лишним. Уже снег наверху. Дождетесь, пока дорогу наладят, так вернее будет.

Она расправила простыню на пустой кровати и ушла.

Через приоткрытую дверь я слышала, как солдат внизу договаривался, чтобы ему поставили лавку у лестницы. Беран беседовал с торговцем. Кто-то требовал вернуть пошлину, кто-то спрашивал, сколько возьмут за ночлег.

Я задвинула дверь и прислонилась к ней.

В голове повторялись слова капитана: «Пока я не получу новых указаний». Новое письмо могло прийти к утру. В нем Севран уже не станет писать об удобстве человеческой мате-

ри. Дорога отказала после того, как по ней повезли его детей; об этом ему доложат. Он мог снова велеть нам вернуться.

Я представила ту же повозку у ворот, ту же гостевую комнату. Солдата за дверью. Просьбу увидеть детей, которую придется передавать через служителя, если король решит поселить их отдельно.

Беран обещал оставить их со мной до следующего приказа. Дольше он не обещал ничего.

Тесса стояла возле постели Миры и смотрела на меня. Я подошла к ней.

— Здесь нельзя дожидаться ответа, — сказала я вполголоса.

Она медленно опустилась на край кровати.

— Вы знаете, куда идти?

— На тропе есть мельница и жилье. Нам нужно уйти с королевского стана хотя бы туда. Дальше будем искать человека, который знает обычные дороги.

— А если никто не пустит?

Я посмотрела на Миру. Она спала с открытым ртом, прижав деревянную лисицу к щеке. На чулке возле пятки протерлась тонкая полоска.

— Не знаю, Тесса. У меня нет надежного места. Но если нас повезут обратно, я даже не смогу выбрать, к кому обратиться.

Тесса потеряла колено сквозь юбку. После долгого сидения в повозке ей было трудно подниматься по лестнице.

— Всю ночь она не пройдет, — сказала она, кивнув на Миру. — И мы ее всю ночь не пронесем.

— Я понимаю.

— Тогда до темноты дайте ей поспать. Поесть надо всем. Даже если кусок не лезет.

Я села рядом с ней. Мы говорили еще некоторое время: сколько сможем унести, как выйти, что делать, если нас окликнут во дворе. Никакого прохода из комнаты не было, только лестница с солдатом внизу. Прыгать из окна с детьми мы не могли. Приходилось спускаться через дом.

Нильс сидел на второй кровати. Я заметила, что он перестал перебирать ремешок сумки.

— Мы убегаем? — спросил он.

Я пересела к нему.

— Я хочу уйти отсюда, пока нас не повезли обратно под охраной.

— А вдруг папа хочет, чтобы мы вернулись?

— Он пока ничего не передал.

— Но может захотеть! Ты же сама утром хотела остаться!

Из-под дверной щели протянулась полоска света. Кто-то прошел по коридору. Я подождала, пока стихнут шаги, и попросила сына говорить тише.

— Я хотела, чтобы у тебя и Миры остался дом. Сейчас нас держат здесь и запрещают самим выбрать дорогу. Я боюсь, что при возвращении станет хуже.

— А я не хочу в лес.

Он произнес это со злостью, глядя мне прямо в лицо. Я удержалась от желания обнять его против воли.

— Я тоже боюсь туда идти, — сказала я. — Но оставаться здесь боюсь больше. Решать придется мне, Нильс.

Он отвернулся и уткнулся лбом в согнутые колени. Я посидела рядом, потом встала складывать вещи.

Большой сверток с одеждой остался возле кровати. Мы вынули из него только теплые кофты, сменное белье для детей и сухие чулки. Переплетные инструменты я взяла целиком: сверток был невелик, а нож и крепкая нить могли пригодиться. Книга для записей, бумаги и кошель поместились в моей сумке. Тесса сложила в свою мазь, полотно, остаток сыра и хлеб. Одеяло предстояло свернуть после того, как Мира проснется.

Стан наполнялся людьми. Через окно я видела, как освобождают место еще для двух повозок. У ворот теперь стояли двое королевских солдат; третий разбирался с лошадьми, а Беран ходил между смотрителем и приезжими. Человек у лестницы оставался на своей лавке.

Я дождалась, когда Мира проснулась, и повела всех вниз поесть. Солдат поднялся вместе с нами.

— Мы будем возле кухни, — сказала я.

Он проводил нас до стола, поставленного в проходе между общим залом и кухонной дверью, и сел на свободный край скамьи. У него отсюда были видны лестница и выход во двор.

Тесса разбавила похлебку Миры водой. Дочь сидела сон-

ная, цепляла ложкой крупу, роняла обратно. Нильс ел молча. Я заставила себя проглотить хлеб и почти всю миску, хотя от запаха лука мутило.

Из кухни выходили работники с ведрами и узлами. Те самые девочка и мальчишка оделись, умыв руки у двери. Смотрительница велела им завтра прийти до рассвета.

— Кто за вас будет всю эту ораву кормить? И матери скажи, пусть белье несет, какое высохло.

Девочка кивнула и открыла калитку. Мальчишка задержался подтянуть сползший чулок.

Солдат за нашим столом повернул голову на стук, но тут из общего зала его позвали. Два возницы не поделили место у огня. Он поднялся, велел им успокоиться и остался в дверях, пока один собирал с пола свои вещи.

Я увидела, что дровяной сарай закрывает боковую калитку от кухонного входа. Когда работники проходили за его угол, из дома их уже нельзя было разглядеть. Чтобы проверить, куда они направились, нужно было выйти во двор.

После еды мы вернулись наверх. Я натянула на детей теплые кофты, поверх — плащи. Сын позволил завязать ворот, не поднимая головы. Коробку с перьями я вынула из его сумки, обернула рубашкой и переложила к себе, чтобы освободить ему руки. Пустую сумку свернула и убрала туда же: места она почти не занимала.

— Я ее не оставлю, — сказала я, когда он посмотрел на меня.

Мире я объяснила, что мы пойдем по тропинке, все вместе, и нужно слушаться сразу, даже если я попрошу о странном: остановиться, присесть, молчать. Дочь спросила, долго ли.

— До места, где можно будет переночевать.

— А кровать там есть?

— Может не быть. Поэтому берем одеяло.

Она с тревогой посмотрела на наш сверток. Я прижала ее к себе, стараясь не говорить ни о мягкой траве, ни о забавном путешествии. Осенью земля была холодной, и я это знала.

Внизу зажгли лампы. На лестнице слышались шаги, затем голос солдата:

— Дети сыты? После смены все остаются по комнатам. До утра из дома не выходить. Если что-то нужно со двора, сейчас идите.

Я ответила через дверь, что дети собираются за дом, а няне надо набрать воды. Он спустился обратно. Тесса повернулась ко мне, и я кивнула.

Она убрала еду поглубже в сумку, поверх положила свернутое одеяло и накинула плащ. Я застегнула свою сумку, проверила завязки на детских воротниках. Одежду, которую мы не могли нести, накрыла оставленным платьем.

Тесса вышла первой с пустыми флягами в руке. Я с детьми — следом, немного погодя. Солдат стоял возле кухонной двери и хлебал из кружки. Увидев наши плащи, он кивнул в сторону двора.

— Далеко не ходите. Через несколько минут запрут кухню.

Мне стоило труда ответить ровно. Все, что мы собирались сделать, вдруг стало заметно мне самой: туго набитая сумка, непривычно тихие дети, моя рука, стиснувшая плечо Миры. Но солдат глянул на их башмаки, на сумерки за дверью и отступил, пропуская нас.

Тесса набирала воду у кухонной бочки. Я вывела детей во двор, пошла к нужнику и остановилась за углом сарая. Сюда еще падал свет из кухонного окна. Чуть дальше было темно.

Мира потянула меня за рукав.

— Мне правда надо.

Я открыла ей дверь. Пока дочь была внутри, я держала Нильса за руку и слушала каждый шаг на дворе. Мальчик стоял неподвижно. Когда я ослабила пальцы, он не отнял ладони.

Тесса появилась с полными флягами. Прижав их к боку, присела рядом с нашей сумкой, будто проверяла узел. Я помогла Мире поправить одежду и закрыла за ней дверь.

Из кухни донесся голос солдата. Пришел сменщик; первый объяснял, кто в каких комнатах, где поставили лишних лошадей. У нас оставалось совсем немного времени.

Я взяла дочь за руку и обошла сарай.

Калитка была прикрыта. Днем я видела, как девочка приподнимала ее, прежде чем тянуть: нижний край задевал землю. Теперь я тоже приподняла створку обеими руками.

Нильс придержал ее, пока я выводила Миру. Тесса прошла последней и осторожно опустила дерево на прежнее место.

На кухне продолжали разговаривать. Нас еще не окликнули.

Я пошла по тропе, боясь наступить на сухую ветку. Под ногами были влажная земля и мелкий щебень. Возле погребка пришлось перешагнуть водосточную канавку; Тесса подхватила Миру под локоть. Одна фляга стукнулась о другую. Мы все замерли.

Со двора донесся лошадиный храп. Потом — скрип ворот.

Я жестом попросила идти дальше.

За погребом тропа спускалась к деревьям. На ней хватало света, чтобы различать темные корни, но лиц детей я уже почти не видела. Я держала Миру, Тесса шла за Нильсом. Мы обходили лужи, прижимаясь к мокрым кустам. Ветка задела меня по щеке, я отвела ее рукой и придержала, пока прошли остальные.

Мне хотелось побежать. Я заставляла себя идти шагом: дочь и так спотыкалась, а Тесса тяжело дышала. Лямка сумки врезалась в плечо. Я перетянула ее поперек груди и снова взяла Миру за руку.

Сзади крикнули.

Слова долетели невнятно, но я узнала голос солдата. Тесса обернулась.

— Идите, — шепнула я.

Мы прошли еще несколько шагов. В просвете между стволами виднелась лампа над воротами стана. Ее огонь освещал кусок ограды и угол крыши. Там было тепло. Можно было вернуться, отвести детей наверх, попросить еще одеяло. До утра нас, вероятно, оставили бы вместе.

Мира остановилась, зацепившись плащом за колючую ветку. Я распутала шерсть, присела перед ней и затянула развязавшийся шнурок на башмаке.

— Дальше сама сможешь?

Она кивнула, не выпуская лисицу.

У стана снова закричали, теперь громче. Я поднялась, нащупала руку дочери и повела ее под деревья. Впереди еще можно было различить тропу.

ГЛАВА 2. До первого огня

За деревьями стукнуло железо. Я узнала звук подков по камню и свернула с середины тропы, потянув Миру за собой. Дочь споткнулась, едва не упала на колени. Я подхватила ее, прижала к юбке и замерла.

Лошадь прошла где-то выше. Между стволами качнулся желтый огонек. Он появился, скрылся, появился снова; я следила за ним, задержав дыхание, пока свет не ушел в сторону мельницы.

— Они верхом, — прошептала Тесса у меня за спиной.

Я кивнула, хотя в темноте она вряд ли могла это увидеть.

Я обошла куст и повела детей дальше, стараясь ступать по траве. Свет стана исчез окончательно, а огни впереди были заслонены склоном.

Мира все крепче сжимала мою руку. Мы шли с тех пор, как вышли из калитки, и я не знала, сколько прошло времени. Сначала можно было различить каждую кочку. Теперь приходилось нащупывать дорогу ногой.

На развилке я остановилась. Одна тропа уходила вверх, между корней, другая спускалась пологим желобом. По ней везли что-то тяжелое: в сырой земле остались борозды. Снизу доносился шум воды.

Я выбрала нижнюю.

— Вы уверены? — тихо спросила Тесса.

— Мельница у воды. И сюда ходят с грузом.

Она помедлила, потом пошла за мной.

Впереди хлюпнуло. Нильс выдернул ногу из темной колеи и зашатался, поднимая вторую. Тесса удержала его за плечо.

— До чего же вы все торопитесь, — вырвалось у меня.

Сын замер. Я услышала, как он втянул воздух, и сразу поняла, что сказала.

— Прости. Я не увидела лужу. Стой на месте, сейчас обойдем.

— Я и стою.

Он произнес это сквозь зубы. Я не стала просить его ответить иначе. Обошла колею, помогла выбраться Мире, потом вернулась к нему. Башмаки сына потемнели почти до завязок. Сухие чулки лежали в сумке, но переодевать его посреди этой грязи было бессмысленно.

Ниже пахло речной водой. В просвете между ветвями дрожал свет из окна, и я почувствовала такое облегчение, что едва не позвала остальных громко.

Потом мы вышли к берегу.

Свет был на другой стороне. Темный поток отделял нас от дома, возле которого медленно ворочалось мельничное колесо. Нашу тропу завершал низкий дощатый настил. Под его краем вода поблескивала и уходила в черноту. На досках лежала забытая колотушка для белья.

Мы пришли к месту, где полоскали простыни.

Я прошла вдоль берега несколько шагов. Моста не было.

Дальше кусты спускались к самой воде.

— Мама, я хочу сесть.

Я оглянулась на дочь. Подол ее плаща был мокрым, нос съежился от холода. Она стояла, расставив ноги, словно ей трудно было держать равновесие.

— Сейчас.

Тесса положила на край настила сложенное одеяло и усадила ее сверху. Я хотела сказать, что оно отсыреет, но прикусила язык. Мира уже подтянула колени и прижалась к няне.

— По той тропе нужно было идти, — сказал Нильс.

— Похоже, да.

— Теперь обратно?

Я посмотрела на склон, с которого мы спустились. Дорога наверх казалась гораздо круче. Где-то там ходили королевские солдаты. Даже если мы вернемся к развилке, я опять увижу перед собой темноту и буду выбирать наугад.

— Сначала посидим немного.

Сын сел рядом с сестрой. Вода шевельнулась под досками; он сразу поджал ноги.

Я вынула флягу, дала детям по несколько глотков. Потом достала чулки Нильса. Тесса приняла у меня мокрые башмаки, вылила из одного воду.

— Он в таких далеко не уйдет. Нужно сушить.

Я растерла его ступни через полотно. Пальцы были холодные, между ними прилип песок. Нильс вздрогнул, когда я задела кожу у пятки.

— Здесь больно?

— Немного.

— Дай посмотреть.

Он вырвал ногу и тут же спрятал лицо в сгибе локтя. Плечи у него затряслись. Я положила ладонь ему на спину, не пытаясь отнять руку от лица.

— Мне холодно, — сказал он глухо. — Я хочу домой.

— Я знаю.

— Ты все говоришь, что знаешь.

Я оставила руку на его спине.

Тесса приподняла Миру, чтобы высвободить край одеяла, и завернула им босые ноги мальчика. Оба ребенка уместились рядом. Мне пришлось стоять перед ними, чтобы не смотреть на освещенное окно через реку. Я могла почти представить комнату за ним: стол, кувшин, сухие доски под ногами. Между этой комнатой и моими детьми было всего несколько десятков шагов воды, через которую я не умела их перенести.

Сзади негромко хрустнула ветка.

Я обернулась так резко, что сумка ударила меня по бедру. Из-за куста выступил человек. За его плечом двигалось что-то крупное; я различила вытянутую морду и длинные уши.

— Не подходите, — сказала я.

Он остановился сразу. Плечи были закрыты темным плащом, одну руку он держал на поводе. Вторую медленно отвел в сторону, показывая пустую ладонь.

— Я останусь здесь. У вас кто-нибудь ранен?

За моей спиной зашуршало одеяло. Тесса поднялась, оставив детей сидеть, и встала рядом со мной.

— Кто вы? Со стана?

— От мельницы. Менял железо на муку. — Он чуть отступил, и я увидела два мешка по бокам вьючного седла. — Разъезд наверху ищет женщину с детьми. К мельничному мосту вам сейчас нельзя.

Мне стало трудно глотнуть. Я не могла разглядеть его лицо, а его голос звучал ровно, без запинки, как голос человека, которому не нужно решать все сразу.

— Вы солдат?

— Нет. И тем, кто наверху, служить не намерен. Спросил о раненых, потому что отсюда придется уходить. Нести человека по берегу труднее, чем провести.

— Никто не ранен. У мальчика промокла обувь. Девочка устала.

— Отсюда есть тропа к старой смолокурне. Там сухое помещение, печь и запас дров. С ребенком на руках около получаса. Я знаю дорогу.

— Там нас не будут искать?

— Если уже знают о смолокурне, могут проверить. Пока они пошли к мельнице. На нижний берег всадники не спускались, я их видел. До рассвета я останусь у входа. Дальше решите, куда идти.

Я слушала, пытаюсь представить дорогу к смолокурне и

людей, которые могли нас опередить.

Я посмотрела на Тессу. Она не сводила глаз с незнакомца.

— У вас есть фонарь? — спросила я.

— Есть. Здесь зажигать нельзя, с той стороны видно. В овраге смогу.

— А девочку вы повезете?

Он повернулся к животному.

— Снизу седла привязан тюфячок. Переложу поверх вьюка. Мул спокойный, но рядом нужно идти взрослому. Если она пугается, понесу сам, а вы поведете его за мной.

Мира молчала. Я присела перед ней и взяла ее ладони в свои.

— Этот человек знает, где можно согреться. Мы пойдем с ним. Ты сможешь сидеть на муле, если я буду держать тебя за ногу?

Дочь посмотрела поверх моего плеча.

— Он лягается?

— Когда пугают сзади, — ответил незнакомец. — Сейчас я подведу его головой к тебе. Сначала посмотришь.

Он подошел медленно. Я встала, пропуская его к краю настила, и увидела у бедра ножны. Невольно прижала ладонь к сумке, где лежал мой складной нож. Доставать его было бы нелепо, но убрать руку я не смогла.

Незнакомец заметил движение и остановился в шаге от нас.

— Я сниму вьюк здесь. Поставьте детей подальше от зад-

них ног.

Он не стал убеждать меня, что бояться нечего. Опустил повод на согнутый локоть и расстегнул ремень.

Тесса помогла Нильсу натянуть сухие чулки. Он начал обуваться, морщась. Незнакомец присел рядом.

— Завязки пока оставь свободнее. В смолокурне снимешь. До нее сможешь дойти?

Нильс кивнул.

— Если начнет жечь пятку, скажи матери сразу. От остановки мы меньше потеряем, чем от содранной кожи.

Мира позволила посадить себя на уложенный поверх вьюка тюфячок. Незнакомец подал мне ее руку и проверил, не тянет ли край седла ногу. Тесса закрепила наше одеяло у дочери за спиной. Сумки мы оставили при себе.

Мы пошли вдоль берега. Я держала Миру за голень, другой рукой придерживалась за вьюк. Мул выбирал место между камнями.

У входа в овраг проводник остановился и достал фонарь. Я ждала яркой вспышки, но он просто чиркнул огнивом. Понадобилось несколько попыток. Трут занялся, потом загорелся маленький фитиль за мутным стеклом. Он прикрыл фонарь полой плаща, оставив узкую полоску света под ногами.

Я могла видеть, куда поставить башмак. От этого простого удобства у меня зашипало в носу.

— Тесса, вы рядом?

— Рядом. Нильс тоже.

Я оглянулась. Сын шел, глядя на освещенную землю. Тесса держала его под локоть. Никто не просил меня выбрать следующий поворот.

Смолокурню я почуяла раньше, чем увидела. В низине пахло старой смолой и сырой корой. За поворотом показалась крыша, почти слившаяся со склоном. Рядом стоял открытый навес с потемневшими бочками.

Проводник привязал мула под навесом, снял Миру и передал мне. Дочь обхватила меня за шею с такой силой, что волосы больно натянулись у затылка. Я не попросила ее отпустить.

Он открыл дверь, поднял фонарь и вошел первым. Затем вернулся за нами.

— Здесь пусто. Можно заходить.

В помещении стояли стол, лавка и широкие нары вдоль стены. Железная печь была холодной. На полу лежали щепки, в углу — поленница, закрытая куском парусины. Проводник вынул из нее несколько тонких сухих поленьев.

— Сюда еще кто-то приходит? — спросила я.

— Мы ночуем, когда возим товар. За дровами тоже присматриваем. Сегодня я сам собирался остаться здесь.

— Дым не увидят?

— В темноте и с таким огнем вряд ли. Дверь держите закрытой, пока растапливаю.

Я посадила Миру на нары. Тесса уложила рядом одеяло,

поверх расстелила свой плащ. Нильс сел на лавку и вытянул ноги, глядя, как незнакомец разводит огонь.

Фонарь стоял на столе. В его свете я наконец разглядела лицо проводника: темные брови, впалые от усталости щеки, короткую щетину. Когда он откинул капюшон, над правым виском блеснули серебристые волосы. Кончики ушей выступали из-под темных прядей.

Фейри.

Я напряглась. Незнакомец поднял глаза, задержал их на моем лице и медленно выпрямился.

— Вы Лиора, — сказал он.

Тесса перестала развязывать узел.

— Да.

— Ваш портрет висел у городских ворот, когда объявляли летнюю ярмарку. С детьми.

Я помнила этот портрет. Художник велел Мире стоять на скамеечке, чтобы наши головы оказались ближе. Потом Севран смеялся, разглядывая рисунок: у Нильса вышло такое серьезное лицо, будто он уже принимал послов.

— Лиора Дейн, — сказала я. — Я больше не королева. Вчера мой брак прекратили. Сегодня нас везли за границу.

Проводник посмотрел на детей. Сын сидел очень прямо, вцепившись пальцами в лавку.

— Об этом можно поговорить утром. Сейчас снимите с него мокрую обувь. Печь скоро нагреется.

Он вышел к мулу. Я присела перед Нильсом и осторож-

но ослабила завязки. Башмак присох к чулку у пятки; пришлось тянуть понемногу, придерживая ткань пальцами. Сын закрыл глаза.

Кожа покраснела, но не лопнула. Я вытерла ноги насухо, нашла чистую пару и укутала его до пояса. Тесса занялась Мирой. Потом передала мне оба детских плаща, тяжелых по нижнему краю от воды и грязи.

Проводник принес подстилку для детей, мешки с мукой и котелок. Муку убрал под стол, лук в чехле прислонил к стене. Налил в котелок воды из собственного бурдюка и поставил на печь.

— Воду можно пить. Я набрал ее на мельнице. Вашу лучше оставить на дорогу.

Мы с Тессой расстелили принесенную подстилку и уложили на нее детей. К тому времени в котелке начали подниматься пузырьки. Я помогла проводнику подвинуть его. Он придерживал горячую ручку через рукав, а я неловко взялась за край и едва не опрокинула воду. Его ладонь легла поверх моей, отвела от металла.

— Так обожжетесь. Подождите, я налью.

Прикосновение было коротким. Рука у него оказалась теплой, с жесткой кожей у основания пальцев. Я забрала свою и села на лавку, внезапно почувствовав, как дрожат колени.

Он поставил передо мной кружку. Другую передал Тессе.
— Они сегодня ели?

— Дважды на стане. У нас еще есть хлеб и сыр.

— Хорошо. Если попросят, дайте немного. Утром сварим горячее.

Он снял плащ, расправил его на спинке лавки и вышел под навес. Я наконец опустила сумку на пол.

Мира никак не укладывалась. Она лежала на боку, прижимая лисицу к животу, но стоило мне отвернуться, как приподнималась на локте.

— Мама, ты тоже тут ляжешь?

— Рядом с тобой.

— А если надо будет идти?

— Я тебя разбужу.

Она потянула мой рукав к себе.

— Не оставляй меня, если я не проснусь.

Я села на край нар и легла рядом, поверх одеяла. Дочь тут же придвинулась, забралась холодными пальцами под мою ладонь.

— Мы уйдем вместе, Мира. Ты будешь со мной.

Она смотрела на мое лицо, стараясь не моргать. Я погладила ее волосы и стала тихо вспоминать, как мы когда-то вдвоем выбирали ленту для ее летней шляпы. Дочь поправила меня: лента была желтой, а синюю мы вернули продавщице. Я согласилась. Через некоторое время Мира перестала отвечать, но пальцы еще держали мой рукав.

Нильс лежал с другой стороны. Я видела его затылок над краем одеяла.

— Нильс, пятка еще болит?

— Сейчас нет.

— Я утром проверю. Если башмаки не высохнут, подумаем, что делать.

Он не повернулся, но через несколько мгновений спросил:

— Ты коробку положила далеко от печки?

— В сумке, под лавкой. Хочешь, достану?

— Утром.

Я лежала, слушая, как потрескивают поленья. Тесса устроилась у ног детей, прислонившись спиной к стене. Проводник вернулся, проверил обувь возле печи, передвинул ее подальше и сел рядом с дверью.

— Вам тоже нужно спать, — сказала я ему.

— Посплю, когда рассветет. Пока я буду отдыхать, разбудите меня, если услышите что-нибудь снаружи.

Тесса кивнула:

— Я посижу. Скажите только, куда смотреть.

Он показал на маленькое оконце возле двери и объяснил, с какой стороны мы пришли. Я слушала, но слова начинали распадаться. В какой-то миг мне показалось, что за стеной ходят дворцовые служители и утром нужно будет одевать детей к урокам. Я открыла глаза. В свете печи виднелись грубые доски потолка.

Перед тем как уснуть, я заметила правую руку проводника на колене. На ладони, повернутой к огню, тянулся неровный

старый шрам.

Проснулась я от того, что Мира толкнула меня пяткой в живот. Дочь спала поперек своего места. Нильс успел отвернуться к стене, а одеяло почти целиком оказалось под ним.

За оконцем было светло.

Все четверо оставались здесь. Я осторожно вытянула за-
текшую руку из-под головы Миры.

У порога спал наш проводник. Он сидел на полу, привалившись к стене, подложив под голову свернутый плащ. Тесса разминала пальцы возле теплой печи.

— Давно? — спросила я шепотом, кивнув в его сторону.

— Часа два. Я разбудила бы вас, если бы понадобилось.

Я встала. На щеке саднило там, где ночью прошлась ветка. Юбка высохла жесткими складками. Хотелось умыться, переодеться и побыть одной хотя бы несколько минут.

Движение возле двери заставило меня обернуться. Проводник поднялся, поправляя куртку.

— Дайте я выйду первым. Потом сможете умыться под навесом.

Он быстро вернулся и оставил дверь приоткрытой.

— Чисто. Мул на месте, снаружи чужих следов не вижу.

Я вышла следом. Под навесом пахло сеном; мул тянул его из сетки, которую я не заметила ночью. Возле стены стояла миска. Проводник поставил рядом бурдюк, но уходить я его не попросила.

— Я даже не знаю вашего имени.

— Риан Корвей.

Я выпрямилась.

При дворе эту фамилию произносили редко. О зимнем роде я слышала, что он лишился земель за неповиновение короне. Однажды за столом кто-то упомянул Корвей, и Севран попросил переменить разговор. Я тогда не стала расспрашивать. В мире моего мужа было много старых ссор, которые начались задолго до моего рождения.

Риан стоял передо мной, придерживая крышку бурдюка. При дневном свете его глаза оказались светло-серыми.

— Вам говорили о нас, — заметил он.

— Что ваш род изгнали. Я не знаю подробностей.

— О них лучше говорить без детей. И когда вы сможете выслушать что-то еще, кроме советов, как дойти до следующего ночлега.

Я опустила взгляд на миску, не решаясь задать следующий вопрос.

— Вы знали, кому помогаете?

— У реки я понял только, что вас ищут. Лицо узнал здесь.

— И все же остались.

— Здесь было двое детей в мокрой одежде, госпожа Дейн. На этом берегу им негде было согреться.

Он убрал бурдюк подальше от края и отступил, давая мне место. Я наклонилась над миской. От холодной воды защищало расцарапанную щеку. Я умылась, расправила пальцами выбившиеся пряди и смогла наконец спросить о дороге

дальше.

Риан предложил идти в Сухую лощину.

— Там живут мои люди. Есть крыша, лекарка, припасы. Сегодня не дойдем, с детьми придется еще раз ночевать в лесу. Завтра, если не будет задержек, к вечеру окажемся на месте.

— Это ваши земли?

— Временно живем там, где нас пока не трогают. Своих земель мы лишились. Лощина спрятана от больших дорог, но я не стану говорить, что до нее никто не доберется.

Он поднял с пола под навесом длинный повод, свернул свободный конец.

— Хозяйством занимается моя тетка Хедда. Я могу привести вас к ней, дать комнату на первое время. Дальше придется договариваться всем. У нас девять семей, и запас еды общий.

Еда, помощь лекарки, ночлег для четверых. Деньги быстро закончатся, даже если с нас попросят немного.

— У меня немного средств.

— Об этом поговорите с Хеддой. Сегодня нам нужно дойти до следующего укрытия.

— Вы можете проводить нас к обычной дороге, по которой ездят люди?

— Могу. Но там вас будут искать прежде всего. Около мельничного моста уже разъезд, у стана конвой. Если хотите выбраться к людям через горы, сначала нужна подготовка.

Теплая одежда, еда, лошади. В этих башмаках мальчик не дойдет до перевала.

Я оглянулась на открытую дверь. Тесса стояла за ней, слушая наш разговор.

— Вы слышали?

— Слышала, — ответила она. — Сначала надо устроить детей.

Я повернулась к Риану.

— Тогда ведите нас в лощину. Но, если вы захотите изменить путь, скажите мне прежде, чем мы свернем.

— Скажу.

Он вошел в дом, достал из дорожного мешка крупу и поставил котелок на печь. Я подняла миску, чтобы принести детям воду для умывания.

За завтраком Нильс открыл свою коробку. Я успела забыть, что ночью он просил достать ее, и теперь смотрела, как сын вынимает из ваты полосатое перо.

Оно переломилось возле середины. Тонкий стержень еще держал обе половинки, но конец повисал.

— Наверное, крышку прижало, — сказала я. — Прости, Нильс. В сумке было тесно.

Он осторожно положил перо на ладонь.

— Можно склеить?

Я посмотрела ближе.

— Здесь трудно сделать прочно. Давай пока завернем отдельно, чтобы совсем не отломилось.

— Не выбрасывай.

— Не буду.

Я оторвала от чистого полотна узкую полоску. Нильс сам уложил перо, обернул и вернул в коробку рядом с остальными. Потом подвинул ее ко мне, чтобы я убрала обратно. Весь завтрак он следил за моей сумкой.

Перед уходом Риан дал нам время переодеть детей. Башмаки Нильса снаружи высохли, внутри еще оставались влажными. Мы сменили чулки и положили у задника мягкий лоскут. Сын попробовал пройтись и сказал, что так лучше. Я попросила его сообщить, если снова заболит, и не стала добавлять ничего о терпении.

Риан залил оставшиеся угли водой, закрыл печь и вынес вещи под навес. Мешки с мукой заняли прежнее место на выюке. Наши сумки он закрепил поверх, оставив мне флягу. Тесса попробовала поднять Миру сама, поморщилась и передала Риану.

— Колено? — спросил он.

— После вчерашнего. Ходить могу.

— На спусках держитесь за палку. Сейчас вырежу.

Он усадил Миру на тюфячок, затем выбрал прямую ветвь у края оврага, обрезал боковые сучки и зачистил место для ладони. Тесса проверила длину, кивнула. Мы вышли, когда солнце уже осветило верхние ветви.

Первое время я все оборачивалась. Смолокурня осталась за склоном, но запах дыма еще мерещился, и мне казалось,

что по нему нас найдут быстрее, чем мы успеем уйти. Риан шел впереди, вел мула, иногда останавливался послушать лес. В такие минуты я тоже замирала и только тогда замечала, как громко дышу.

Он предупредил о повороте к старой вырубке, потом — о спуске в ложбину. Я вслушивалась в короткие объяснения и запоминала приметы: расщепленная береза, камень, похожий на опрокинутое корыто, две сосны с обнаженными корнями. Вернуться по ним одна я бы еще не смогла, но перестала совсем теряться, когда тропа исчезала под листьями.

До полудня мы останавливались дважды. Мира слезала, ходила по ровному месту, снова просилась наверх. Нильс шел рядом со мной. Иногда его рука касалась моей, но взять себя за пальцы он не позволял.

У ручья Риан снял с мула вьюк и дал ему отдохнуть. Мы сели на поваленное дерево. Я проверила ноги сына: покраснение не увеличилось. Тесса развернула хлеб, разрежала сыр на четыре части. Риан достал свою еду и сел чуть поодаль, оставив между нами место для детей.

После отдыха тропа поднялась вдоль крутого берега. Мира шла сама, держась за меня. Риан остановил нас у места, где из склона сочилась вода. Дождями размыло землю под двумя плоскими камнями. Один медленно сдвинулся, когда он попробовал наступить на край.

— Здесь пойдем по одному. Подождите, пока закреплю. Он привязал повод к корню, присел у ручейка и отвел во-

ду в сторону носком сапога. Затем прижал ладонь к мокрой земле между камнями.

Сначала ничего не произошло. Потом вокруг его пальцев проступила светлая корка. Вода в щели перестала блестеть, влажная глина потемнела и затвердела. Лед охватил нижний край камня, удерживая его в земле.

Риан убрал руку. На кончиках пальцев остались крупинки инея.

— Теперь камень не уедет вниз, — сказал он, проверяя ногой. — Ступайте на середину, там сухо. Держитесь за корень слева.

Я посмотрела на лед в щели. Он удерживал камень, но упасть с узкого края по-прежнему было легко.

Он провел Миру за руку, потом вернулся за Нильсом. Я шла следом за сыном, придерживая его за плащ. Тесса опиралась на свою палку. Последним Риан перевел мула, сняв с него часть груза на время прохода. Я помогла перенести сумки по одной.

На широкой площадке он снова затянул ремни. Пряжка выпала у него из правой руки. Риан поймал ее левой, сжал пальцы и подождал немного.

— Вы поранились?

— Нет. После холода хуже слушаются.

Я посмотрела на его ладонь. Под светлым шрамом кожа была бледнее, чем утром. Он растер ее другой рукой и спрятал подмышку.

— Вам нужно согреться?

— Немного посидеть и поесть. Дальше уступов нет, можно будет идти ровнее.

Он сел на сухой камень. Я принесла его дорожный мешок, вынула хлеб, когда он показал, где лежит. Флягу открыла сама и подала без пробки.

Риан посмотрел на меня, затем принял воду.

— Спасибо.

Нильс стоял рядом с мулом и разглядывал лед, еще видимый между стволами.

— Вы можете всю реку так заморозить?

— Не могу. Воды слишком много, течение сильное. Я бы выбился из сил, а река продолжала бы течь.

— А те камни теперь всегда будут стоять?

— Пока держит лед. Растает — опять поползут. Здесь нужно отвести воду и укрепить тропу. Для этого людей с лопатами надо привести.

Сын потер ладонью нос. Риан откусил хлеб и больше ничего не стал объяснять, пока его не спрашивали. Через некоторое время он снова смог затянуть пряжку обеими руками.

Мы пошли дальше.

Во второй половине дня стало теплее. Я сняла плащ и закрепила его на выюке.

На следующей остановке Тесса увела детей к краю небольшой поляны. Мира собирала крылатые семена, бросала их с ладони и сердилась, когда они падали сразу. Я смотрела на

нее, пока Риан поил мула, затем подошла к нему.

— Вы сказали, что после ночлега я смогу решить, куда идти. Лощину я выбрала. Теперь хочу понять, чего вы ждете от меня.

Он закрепил бурдюк и повернулся ко мне.

— Расскажи о том, что произошло при дворе. Позднее — свидетельства, если вы согласитесь его дать.

— Для чего?

— Мой род лишили земли после королевского обещания безопасного возвращения. Мы добиваемся, чтобы нас выслушали. До сих пор старшие дома предпочитали верить Севрану. Вчера, судя по вашим словам, он приказал изгнать собственных детей. Это решение они уже не смогут представить старой пограничной ссорой.

Я взглянула в сторону поляны. Тесса показывала Мире, как держать семечко. Нильс сидел на корне и смотрел на свои башмаки.

— Я не повезу их к нему ради вашего спора.

— Сейчас я этого не прошу. Расскажите то, что знаете сами. Нам нужны люди, которые смогут подтвердить слова и распоряжения короля.

— У меня есть приказ. С печатью. В нем мне велено сопровождать детей и заботиться о них, а капитану — вывезти нас за границу. Я напомнила Севрану о клятве, которую он дал, когда мы поженились. Он не остановил отъезд.

Риан помолчал.

— Клятву принимали под дубом?

— Да. Он обещал детям дом в Эльвейне. А переход вчера трижды вернул путников к стану. Дважды нас, потом торговца. Я думаю, это связано, но не знаю как.

Он опустил взгляд на повод, который держал в руках.

— Сохраните приказ. И ответ короля, если он у вас есть. В лощине можно будет обсудить, кому их показать.

— А если я откажусь выступать так, как понадобится вашему роду?

Риан посмотрел мне в лицо.

— Тогда придется искать другой способ. Вы не обещали мне этого у реки.

— Я могу подтвердить, что видела и слышала. Но не стану говорить о прошлом Корвей так, словно была рядом с вами. И заранее соглашаться на любую встречу не буду.

— Это разумно.

Он произнес это без улыбки. Я еще не знала его достаточно, чтобы понять, легко ли ему было принять мой ответ.

С поляны позвала Мира. Ее семечко наконец закружилось и село Тессе на плечо. Я подняла руку, показывая, что видела. Риан снял с вьюка мою флягу и передал мне.

— Позовите детей. До ночлега еще нужно дойти засветло.

Вторую ночь мы провели у старой просеки, под бревенчатым навесом, зашитым досками с трех сторон. Риан знал, где под приподнятым настилом сложены сухие дрова. Развел небольшой огонь в обложенном камнями очаге, вынесенном

вперед от крыши. Тесса устроила детям место у задней стенки, где меньше дуло.

Я помогла разгрузить мула. Мешки показались тяжелее, чем днем. Когда последний лег под навес, я села рядом с ним и некоторое время не могла разогнуть пальцы.

Риан принес воды. Мы сварили кашу из его дорожного запаса, поели с хлебом, и только потом я смогла заняться ногами. На большом пальце вздулся пузырь; я закрыла его чистым полотном и натянула сухие чулки. Потом проверила ноги детей. У Нильса кожа оставалась красной, но до крови не стерлась.

Он дождался, пока я закончу, и спросил:

— Завтра мы уже придем?

— Риан говорит, что да. К вечеру.

— Там можно будет не вставать утром?

— Можно будет поспать дольше.

Сын кивнул и лег, подсунув ладони под щеку. Когда я укрыла его, он не отодвинулся. Мне очень хотелось принять это за примирение, но он просто засыпал на ходу. Я поправила одеяло и оставила его в покое.

Мы с Тессой по очереди посидели у огня, пока Риан спал. Потом он сменил нас. Под утро я проснулась от холода и услышала, как он подкладывает дрова. Мира спала рядом; ее лисица упиралась мне в бок. Я подвинула игрушку, укрыла дочь краем своего плаща и снова закрыла глаза.

Следующий день прошел медленнее. Даже после ночного

отдыха мне было трудно подниматься на склоны, а Тесса все чаще останавливалась, опираясь на палку. Риан посадил на мула Нильса, дав ему передышку. Мира в это время шла со мной. Позднее дети поменялись.

Я перестала спрашивать, сколько осталось. Вместо этого выбирала ближайшее дерево или камень и доходила до него. На ровных участках мне удавалось говорить с Мирой, отвечать на ее вопросы о ягодах и следах. На подъемах она сама замолкала, крепче держась за руку.

Когда между деревьями появился частокол, я сначала решила, что мы снова вышли к какому-нибудь стану.

Риан остановил мула и окликнул человека за оградой. Тот поднялся со скамьи под навесом. Через несколько мгновений открылась узкая калитка. Проводник подошел к ней один, негромко поговорил с караульным и вернулся за нами.

— Пришли. Теперь можно отдыхать.

Я провела ладонью по лбу. За частоколом тянулись несколько огородных полос, темнели крыши домов. Над одной поднимался дым. На веревке сушились детские рубашки, прижатые деревянными прищепками, а у крыльца женщина выколачивала половик.

Я смотрела на эти рубашки, пока Риан привязывал мула.

— Мама, мне слезать?

— Да, милая. Мы пришли.

Риан помог Мире спуститься, Тесса подхватила ее за руку. Караульный показал колодец, и она повела детей попить,

пока мы разгружали вещи.

Женщина с половиком положила выбивалку и подошла к Риану. Волосы у нее были светлыми, густо тронутыми седой, рукава простого платья закатаны выше локтей. Она посмотрела на мула, на наши сумки, потом на меня.

— Хедда, — сказал Риан. — Это Лиора Дейн. Ее и детей выслали из Верескового двора. Пограничный переход не пропустил их, а со стана пришлось уйти. Я встретил их возле мельницы позавчера ночью.

Хедда некоторое время молчала.

— Дейн, — повторила она, всматриваясь в мое лицо. — Жена Севрана?

— Бывшая, — ответила я.

Она перевела взгляд на детей у колодца.

— Насколько близко шли за вами?

— У мельницы был разъезд, — сказал Риан. — Дальше я их не видел. Последний участок проверил, перед тем как спускаться сюда.

Хедда помедлила, потом взяла с мула один из оставшихся мешков. Риан подхватил его с другой стороны, вместе они донесли муку до крыльца.

— Сколько ртов прибавилось? И кто сегодня станет на первый караул? — спросила она, выпрямляясь.

— Четверо. Двое детей, Лиора и Тесса, их няня. Первый караул возьму я.

— Тогда после еды ложись хотя бы на час. Людям у огра-

ды надо сказать, что произошло. Я дам вам комнату возле кухни, — добавила она, обращаясь ко мне. — Там пока свободно. Останетесь вместе. Позже поговорим о припасах и о том, как долго сможете у нас пробывать.

Я кивнула. Сказать «спасибо» сразу не получилось: горло стянуло, пришлось сглотнуть.

Хедда дождалась, пока я справлюсь с голосом.

— Руки у вас свободны? Возьмите тогда этот кувшин. Теплой воды немного, но детям хватит умыться. И сами умойтесь, у вас щека расцарапана.

Я приняла кувшин обеими руками. Он был теплым, тяжелым, вода плеснула под самым горлышком. Хедда подхватила нашу сумку и пошла открывать комнату. Я позвала детей и понесла воду следом.

ГЛАВА 3. Чужой стол

Кувшин пришлось поставить на пол, чтобы переступить порог. Я держала его слишком крепко, и пальцы не сразу разжались.

Хедда открыла ставню. В комнату вошел вечерний свет. У стены стояла широкая кровать, рядом — узкая, с лоскутным покрывалом. Для Тессы обещали принести тюфяк и складные козлы с дощатым настилом.

— Раньше здесь лежали запасы белья, — сказала Хедда, снимая с полки пустую корзину. — Если понадобится еще одеяло, попросите до ночи. Потом кладовую запрут.

Мира остановилась возле широкой кровати, не решаясь сесть. Нильс остался у двери. Я подняла кувшин и перелила немного воды в таз на табурете. Теплая струя ударила в дно с таким домашним звуком, что я невольно оглянулась на дочь.

— Давай снимем плащ.

Она позволила развязать тесемки, потом протянула мне лисицу. Я посадила игрушку на подоконник. Мира сразу проверила, не упадет ли она, и только после этого наклонилась над тазом.

На ее шее темнела полоска грязи, волосы за ушами сбились в жесткие прядки. Я намочила полотенно и стала протирать кожу. Дочь морщилась, втягивала голову в плечи. Вода быстро помутнела.

— Я сейчас принесу другую, — сказала Тесса.

— Посидите. У вас колено.

Она уже взялась за кувшин, но Хедда перехватила его.

— Горячую воду из кухни принесут. Когда переоденетесь, позовите лекарку. Она в соседнем доме, я предупрежу.

Хедда ушла, оставив дверь приоткрытой. За стеной стукнули миски, кто-то сердито спросил, куда подевалась длинная ложка. Я прислушалась к этим голосам. Они разговаривали о своем ужине, продолжали начатую работу. Нам не требовалось немедленно снова уходить.

Нильс наконец снял сумку, которую подхватил у крыльца, и сел на узкую кровать.

— Это мне?

— Если тебе удобно.

Он нажал ладонями на тюфяк. Доски скрипнули. Сын наклонился и заглянул под кровать, затем поставил возле ножки свою коробку с перьями. На стол он ее не положил.

Я достала последнюю свежую рубашку Миры. Остальное белье лежало в свертке, брошенном на стане. В дороге это казалось ненужным весом; сейчас не хватало каждого оставленного лоскута.

Когда принесли воду, я попросила мыло и веревку для выстиранного. Хедда показала на пустую полку.

— Сначала вымойтесь сами. Одежду дам из нашего белья, на время. Только не стирайте ночью, утром отнесем все вместе.

Она принесла две детские рубашки и простое платье для меня. Оно оказалось коротковато в рукавах, зато чистая ткань не царапала шею. Я переоделась за ширмой, которую Хедда вытащила из угла, и только тогда заметила, как сильно пахла дымом моя коса.

Когда пришла лекарка, я еще распутывала косу. Она осмотрела наши с Нильсом ноги, Тессино колено. Велела несколько дней беречь натертую кожу, дала чистое полотно и разрешила сыну пока ходить босиком по комнате.

— А бегать? — спросил он.

— Сегодня сам не захочешь. Завтра посмотрим.

Нильс задумался и снова сел. Мира все это время стояла возле моей кровати, прижимая лисицу к животу.

Лекарка обмыла мне щеку. Царапину защищало. Я дернулась, и дочь тут же шагнула ближе.

— Больно?

— Немного. Сейчас пройдет.

Она погладила меня по плечу, потом отошла, чтобы дать лекарке место.

Хедда пришла звать к ужину. Спросила, хотим ли мы есть у себя или выйдем за общий стол. Тесса расчесывала Миру, и дочь спокойно сидела у нее между колен.

— Выйдем, — сказала я. — Если для нас есть место.

Хедда кивнула, будто я согласилась на самую обычную вещь.

За длинным столом на кухне было тесно. Когда мы вошли,

разговоры ненадолго стихли. Женщина с полотенцем через плечо переставила две миски, освободила край скамьи. Я села первой, посадила рядом Миру. Нильс устроился с другой стороны, Тесса — напротив.

На нас смотрели. Я привыкла к этому при дворе, но здесь не знала ни лиц, ни того, что люди уже слышали. На моей руке было видно светлое место от кольца. Я заметила, что закрываю его большим пальцем, и положила обе ладони на колени.

Хедда пододвинула хлеб.

— Кто еще не ел, берите сейчас. На поздних у печи оставлено.

Кто-то продолжил спор о тележном колесе. Маленький мальчик напротив попытался дотянуться до солонки; женщина рядом переставила ее ближе и вытерла ему подбородок. Ложки опять застучали о края мисок.

Мира спросила, можно ли ей хлеба. Я отрезала ломтик. Нильс ел, стараясь не задевать локтем сидевшего рядом человека. Когда уронил кусок на стол, резко выпрямился и посмотрел на меня.

Я подняла хлеб, положила возле его миски. Сын молча продолжил есть.

Риан появился, когда мы уже заканчивали. Волосы у висков были влажными после умывания. Он взял оставленную миску и сел на свободное место у другого конца стола. Хедда что-то сказала ему вполголоса; он кивнул и принялся за еду.

Мне хотелось, чтобы он посмотрел в нашу сторону. В комнате, полной незнакомых людей, его присутствие немного успокаивало.

Когда я подняла пустую миску, Риан все же подошел.

— Устроились? — спросил он.

— Нам дали белье. Лекарка уже была.

— Тогда отдыхайте. Сегодня о дороге больше говорить не будем.

Он не стал расспрашивать детей при остальных. Только помог Тессе отодвинуть тяжелую скамью, чтобы она могла встать, не сгибая больное колено.

В комнате Мира сразу полезла под одеяло. Нильс некоторое время ходил босиком от своей кровати до окна. Затем остановился передо мной.

— А когда папа за нами придет?

Я сидела с рубашкой в руках, пытаюсь расправить высохшую складку. Положила ее рядом.

— Я не знаю, придет ли он кого-нибудь.

— Но там уже поняли, что нас нет. И на дороге поняли. Ему должны были сказать.

— Капитан отправил письмо еще до того, как мы ушли со стана.

Нильс обрадовался так быстро, что я едва не пожалела о своих словах.

— Значит, он знает! Может, они уже едут, просто нас не нашли.

Я подвинулась, освобождая место на кровати. Сын сел не сразу.

— Нильс, повозку для нашего отъезда прислал отец. Капитан вез нас по его приказу. Я не знаю, что он решит теперь, но ждать его людей и надеяться, что все станет как прежде, мы не можем.

— Ты же не спросила, что он решит теперь.

— Я попробую узнать, как нам получить безопасный дом. Для этого здесь есть люди, с которыми нужно поговорить.

— А если папа скажет, чтобы мы вернулись?

— Тогда я должна буду знать, где мы станем жить и кто сможет защитить вас, если он снова передумает.

Сын опустил голову. Носок чулка, который он держал в руках, растянулся между пальцами.

— Мне там нравилось, — сказал он.

— Я знаю. Мне тоже многое нравилось.

Он поднял на меня глаза.

— Ты тоже хочешь в нашу комнату?

Я вспомнила сад за окном, детские голоса утром, теплый пол возле очага. От этой памяти стало так больно, что я не сразу ответила.

— Хочу, чтобы нам опять было спокойно. Там сейчас этого нет.

Нильс посидел рядом еще немного. Потом отнес чулок к своей кровати и лег, повернувшись к стене.

Мира уснула раньше, чем в кухне закончили мыть посу-

ду. Я поправила одеяло, высвободила рукав из ее пальцев и оглянулась на Тессу. Она лежала на принесенной лежанке, положив больную ногу на свернутый плащ. Глаза у нее были закрыты.

Я потушила большую свечу, оставила маленький огонек в плошке и вышла вернуть Хедде пустой кувшин.

Кухня находилась всего в нескольких шагах. Хедда сидела за столом с расходной книгой. Я поставила кувшин возле таза, собралась спросить, когда можно будет поговорить о нашей плате, но из комнаты донесся крик.

Обратно я побежала, задев плечом дверной косяк.

Мира стояла посреди комнаты босая, в одной рубашке. Тесса пыталась взять ее за руку, но дочь вырывалась и звала меня, не замечая, что я уже рядом.

— Я здесь. Мира, посмотри на меня.

Она вцепилась в мою шею. Подняла ноги, заставляя взять себя на руки. Я с трудом выпрямилась и села на кровать.

— Я относила кувшин на кухню. Вот туда, за стену. Я никуда не уехала.

— Тебя не было!

— Не было. Ты проснулась, а меня не увидела.

Я держала ее, пока крик не сменился тяжелыми всхлипами. Тесса отступила к своей лежанке. Нильс сидел на кровати, натянув одеяло до груди.

— Я думала, ты уже ушла, — сказала Мира мне в шею.

— Если мне нужно будет выйти, пока ты не спишь, я ска-

жу тебе, куда иду. А ночью мы с Тессой будем оставаться по очереди. Ты сможешь спросить у нее, где я.

— Я тебя хочу спросить.

— Сейчас я с тобой. До утра останусь здесь.

Она прижалась крепче. Я обняла ее обеими руками, не пытаясь уложить сразу. У самой стучало сердце, болело ушибленное плечо, а в коридоре еще стояла Хедда. Я увидела ее через открытую дверь и покачала головой: помощи не нужно.

Хедда ушла. Мира следила за дверью.

— Не закрывай.

Я оставила щель. Из коридора падала узкая полоска света, по которой дочь могла видеть край своей кровати.

Когда она уснула, я еще немного посидела. На кухне стихло, снаружи переговаривались караульные. Я легла рядом с Мирой и натянула одеяло нам на плечи.

Утром Тесса сама поднялась первой. Сходила за водой, дождалась, пока проснутся дети. Когда Хедда позвала меня к столу, я остановилась перед Мирой.

— Пойду на кухню разговаривать. Тесса побудет с вами. Я вернусь после того, как вы позавтракаете, а если разговор затянется — зайду сказать.

Дочь посмотрела на открытую дверь.

— А можно я с тобой?

— Можно. Только мы будем говорить о припасах, тебе будет скучно.

Она все равно пошла, прижимая к груди лисицу. Тесса осталась с Нильсом. Я принесла Мире миску каши и усадила на скамью рядом с собой. Хедда пододвинула к ней ложку.

— Вчера мы поговорили с семьями, — сказала она. — Останетесь пока здесь. Риан рассказал, как вас встретил. Люди понимают, что на дорогу детей сейчас отправлять нельзя. Но мне нужно знать, чем мы располагаем.

Я развязала кошель под столом, придерживая кольцо внутри. Выложила монеты, пересчитала.

— Одиннадцать серебряных и семнадцать медных. Украшения и большая часть вещей остались во дворце. Их не выдали перед отъездом.

Хедда посмотрела на серебро.

— Уберите. Вам еще может понадобится заплатить за дорогу. Здесь мы пока дадим еду из общего запаса. Я запишу, сколько уйдет на вас четверых. Если вернете свое имущество, возместите то, о чем договоримся. Сейчас последних денег не берусь требовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.